

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/85/7

Повесть А. Клягина «Клад Мамаю»: приключенческий сюжет и евразийский подтекст

Елена Владимировна Капинос

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Аннотация

Представлен обзор повести А. П. Клягина «Клад Мамаю», вышедшей в Париже в 1948 г. и с тех пор не переиздававшейся. Во время Второй мировой войны, в Грассе, А. П. Клягин сдружился с И. А. Буниным и под его влиянием создал две автобиографические книги. Повесть «Клад Мамаю» историсофская, автор излагает в ней свою интерпретацию истории России от древности до современности. В статье анализируются близкие евразийству историсофские идеи Клягина, а в качестве источника этих идей указываются отдельные работы евразийцев – П. Н. Савицкого, Н. С. Трубецкого. Но повесть нельзя назвать художественной иллюстрацией теории евразийства, в ней привлекает и напряженный приключенческий сюжет с фольклорными преданиями о кладах в подтексте.

Ключевые слова

А. П. Клягин, «Клад Мамаю», забытая книга, И. А. Бунин, литература русской эмиграции, евразийство, повесть о кладоискателях, предания о кладах, приключенческая повесть, автобиографическое повествование

Для цитирования

Капинос Е. В. Повесть А. Клягина «Клад Мамаю»: приключенческий сюжет и евразийский подтекст // Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 90–104. DOI 10.17223/18137083/85/7

© Капинос Е. В., 2023

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2023. № 4. С. 90–104
Siberian Journal of Philology, 2023, no. 4, pp. 90–104

The novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. Klyagin: adventure plot and Eurasian undertone

Elena V. Kapinos

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
dzerv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4057-110X>

Abstract

The paper reviews the novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. P. Klyagin, published in Paris in 1948 and not republished since then. In Grasse, during the Second World War, A. P. Klyagin became friends with I. A. Bunin, whose creative work inspired him to compose two autobiographical books, with “The Land of Extraordinary Opportunities” being the first and “The Mamai’s Treasure Trove” the second one. Similar to “The Life of Arseniev” by I. A. Bunin, the novel under review is a historiosophical work, with its protagonist being an emigrant who recalls his youth spent in Russia. Klyagin provides his personal interpretation of the history of Russia from antiquity to the present time. The action of the novel unfolds in the Caspian steppe, on Lake Elton, where the construction of the Astrakhan railroad is underway, accounting for a very profound Eurasian undertone of the work. This paper analyzes Klyagin’s historiosophical ideas that relate to Eurasianism, pointing to some works written by the Eurasians (P. N. Savitsky and S. N. Trubetskoy) as the sources of these ideas. However, the novel concerned cannot be regarded as an artistic illustration of the theory of Eurasianism. Of interest is the adventure plot that was designed in folklore style based on folk tales about treasures, most probably not without the influence of Bunin.

Keywords

A. P. Klyagin, Mamai’s Treasure Trove, forgotten book, I. A. Bunin, literature of the Russian emigration, Eurasianism, tale on treasure-hunters, legends on treasure troves, adventure tale, autobiographic narration

For citation

Kapinos E. V. The novel “The Mamai’s Treasure Trove” by A. Klyagin: adventure plot and Eurasian undertone. *Siberian Journal of Philology*, 2023, no. 4, pp. 90–104. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/85/7

Эта статья посвящена редкой книге – повести «Клад Мамаю» [Клягин, 1948], одной из двух автобиографических книг Александра Клягина. Она вышла в Париже в 1948 г. вслед за его первым сборником рассказов о Сибири «Страна возможностей необычайных» [Клягин, 1947]¹, в оформлении эти книги перекликаются между собой: похожи их обложки и формат, но указаний на то, кто их оформил, нет. Примечательно, что первую книгу А. П. Клягина и ее автора представил читателям сам И. А. Бунин, написав к «Стране возможностей...» небольшое предисловие. Отметим, что не так давно эта книга, с послесловием А. В. Блюма, была переиздана в Новосибирске [Клягин, 2010], вторая никогда не переиздавалась.

А. П. Клягин, известный в эмигрантской среде инженер и предприниматель, не был профессиональным писателем, но прожил жизнь, взывающую к созданию

---

¹ Год издания «Страны возможностей необычайных» не обозначен, но А. В. Блюм устанавливает его по предисловию Бунина, датированному 7 января 1947 г. См.: [Блюм, 2010, с. 354].

мемуаров. Импульсом для написания автобиографической прозы, по всей видимости, послужило его желание сохранить память о пережитом, однако эти книги – не нон-фикшн, а увлекательные приключенческие истории, где биографическое перемешано с вымышленным, а дореволюционное прошлое России XX в. преобразовано и переосмыслено.

Краткая биография Клягина изложена А. В. Блюмом в послесловии к переизданию «Страны возможностей...», биографическая справка имеется также на сайте, посвященном истории масонской ложи «Северное сияние»² (Клягин был ее основателем и состоял в ней до 1936 г.).

Писатель родился в 1884 г. в Орловской губернии, в тех местах, откуда вышли многие русские классики, в том числе И. А. Бунин, с которым Клягин познакомится гораздо позже, во время Второй мировой войны, уже во Франции, в Грассе, где они жили по соседству, о чем и рассказывает Бунин в предисловии к «Стране возможностей»:

...Английская вилла, на которой я жил, оказалась в ближайшем соседстве с его собственной великолепной виллой, и мы часто коротали на ней время в наших долгих беседах, делились газетными вестями, тайком от врагов, повсюду сидевших вокруг нас в оккупированном Грассе, слушали радио [Клягин, 2010, с. 5–6].

О том, что знакомство продолжалось и позже, уже в Париже, где Клягин был у Бунина на улице Оффенбаха³, можно судить по одному беглому, несколько презрительно-небрежному воспоминанию Н. Берберовой:

В последний раз я пришла к нему (И. А. Бунину. – *Е. К.*) в 1947 или 1948 году, после моих поездок в Швецию, где я исполнила некоторые его поручения к переводчику и издателю его шведских переводов <...>. Сидел он за столом в кухне, а с ним сидел некто Клягин, состоятельный человек, владелец огромного отеля на площади Этуаль. Клягин только что был выпущен из тюрьмы, где отбывал наказание за сотрудничество с немцами. Он не то писал, не то уже издал книгу о своем детстве (кажется, он был сибиряк), и теперь они оба сидели и говорили друг другу, как прекрасно они оба пишут. Возможно, что Клягин помогал Бунину в эти годы вновь наставшей для него бедности (Нобелевская премия была давно прожита), возможно, что Клягин добивался от Бунина предисловия к своей книге или рецензии о ней, но когда я увидела грязную кухню, двух слегка подвыпивших старых людей, которые обнимались и со слезами на глазах говорили друг другу: «ты – гениальный, ты – наш светоч», «ты – первый», «мне у тебя учиться надо», на меня нашло молчание, которое я никак не могла сломать. Посидев минут десять, я вышла в переднюю. Бунин сказал:

– Это – Клягин, друг мой единственный. Великий писатель земли русской. Всем вам у него учиться надо [Берберова, 1996, с. 298].

---

² См.: Клягин Александр Павлович. URL: <https://mason.ru/%D0%9A%D0%BB%D1%8F%D0%B3%D0%B8%D0%BD-%D0%90%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D0%9F%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87/> (дата обращения 01.06.2023).

³ А Бунин бывал на русских литературных вечерах во «Дворце Золушки» – отеле «Наполеон», который Клягин подарил своей второй жене Клэр Робан [Блюм, 2010, с. 353].

Вероятнее всего, послушав устные рассказы Клягина в Грассе, именно Бунин и сподвиг его на написание двух книг, на которые очевидно повлияла поэтика Бунина. Красочные пейзажи, в том числе и экзотические (сибирские и прикаспийские), колоритные персонажи, любовная интрига с трагическим концом – всё это в «Кладе Мамае» ориентировано на Бунина и придает «Стране возможностей необычайных» и «Кладу Мамае» дополнительную ценность.

Клягин стал не только свидетелем, но и активным участником истории России первой половины XX в. Будучи на 14 лет младше Бунина, он успел многое увидеть в России, погруженной, начиная с 1905 г., в пучину народных бунтов, а затем разоренной Первой мировой войной. После окончания Орловской гимназии Клягин уехал в столицу, где получил образование инженера-путейца, блестяще окончив Санкт-Петербургский технологический институт, со студенческих лет работал на строительстве железных дорог: ведущей к озеру Эльтон Приволжской (Красный Кут – Астрахань) и затем, уже после окончания института, Амурской, уводящей из Сибири на Дальний Восток. Обе книги написаны об инженерепутейце и посвящены Прикаспийской степи («Клад Мамае»), Сибири и Дальнему Востоку («Страна возможностей необычайных»). На поприще железнодорожного строительства Клягин благодаря личной предприимчивости сделал удачную карьеру и навсегда перебрался во Францию, где накануне Первой мировой войны служил представителем Мурманской железной дороги при военном атташе, параллельно осуществляя собственные коммерческие проекты. О том, как ему удалось сделать карьеру и разбогатеть, в эмигрантской среде, где он был известен как меценат и благотворитель, позже ходили легенды. Его необычайно богатая событиями биография, ее отражение в творчестве и знакомство с Буниным – это темы, каждая из которых требует самостоятельного исследования, а здесь хотелось бы представить лишь общий обзор одной из его книг, вышедшей в издательстве «Editions du scribe».

«Клад Мамае» имеет подзаголовок «Каспийская быль», и одно из назначений этого подзаголовка – утверждение, что всё произошедшее действительно пережило автором. Книга разделена на небольшие пронумерованные главки, каждая из них являет собой завершённый сюжет или диалог, и это похоже на разрозненные эпизоды воспоминаний (так же построена и первая его книга), но последовательность небольших фрагментов постепенно начинает восприниматься как цельная, законченная вещь, объединенная общей интонацией и авантюрным сюжетом с поисками кладов, ярким историческим фоном, весомым литературным и фольклорным подтекстом. А в центре композиции – совершенно в духе Бунина – история незабываемой неосуществившейся любви.

Главный герой повести – молодой инженер Зорин, еще не закончивший университетского курса и отправившийся работать на Каспий. При этом лишь в финале романа читатель узнает, что всё описанное произошло с героем много лет назад, поскольку о развязке одного из степных сюжетов постаревший герой узнаёт лишь в эмиграции. Волне вероятно, что Клягин, подолгу беседа с Буниным в Грассе, захотел написать повествование о своей жизни наподобие «Жизни Арсеньева», с героем-эмигрантом, который вспоминает далекую юность, жизнь в России и первую любовь. Но он не рискнул подражать сложной лирической поэтике Бунина, изображающей природу памяти и сознания с их наплывами, прерывистостью и сменой повествовательных модусов. Клягин как будто бы удерживает себя в рамках традиционного повествования от третьего лица, и всё же текст получился «я-центричным»: все линии сходятся на одном герое, остальные рас-

сказывают ему то историю своей жизни, то свою версию истории России, то откровенничают со столичным юношей, то, напротив, разыгрывают и пытаются обмануть неискушенного юнца. Все они не только старше и опытнее его, но и хорошо знают, в отличие от него, Прикаспийскую степь, и им есть что о ней рассказать.

«Клад Мамаея» – в некотором роде bildungsroman: в Прикаспийской пустыне молодой студент осваивает новый для себя уклад жизни, взрослеет, набирается мудрости, переживает трагедию смерти возлюбленной и сколачивает собственный капитал. Но всё это слегка отодвигается на второй план приключенческим сюжетом: несколько героев повести, с которыми Зорин знакомится на Эльтоне, ищут клады, оставшиеся после монголо-татарского нашествия, а для этого разбирают старинные карты, на которых указаны места захоронения кладов, расшифровывают древние легенды Золотой Орды, «пытают» свидетелей и прибегают к помощи шаманов. Зорин вроде бы и не дает вовлечь себя в эти поиски: он одновременно и верит, и не верит в молву о кладах, опасаясь при этом и закона, запрещающего такие поиски, и «всем известного» возмездия, наступающего кладоискателей, но внимательно слушает то, что ему рассказывают, и увлеченно наблюдает за всем, что происходит в эльтонской пустыне.

Сюжет с поисками сокровищ Мамаея сопровождают рассказы об истории Астраханского ханства, Прикаспийских земель, Эльтона, и они явно противоречат «школьной» истории, связывающей прогрессивное в ней начало с петровским западничеством. Этот традиционный вариант русской истории Зорин (как, вероятно, и сам Клягин) усвоил, обучаясь в гимназии, но, оказавшись в выжженной солнцем солончаковой степи, почти непригодной для жизни из-за отсутствия пресной воды (ее заготавливают в период дождей либо привозят из других мест), он сразу же знакомится с другой ее интерпретацией. Сначала местные жители, не жалея красок и гипербола, рисуют ему картину процветавшей здесь шесть столетий назад Золотой Орды:

Раньше то было дно Каспийского моря, но вода, под действием солнца, испарилась и обнажила огромную поверхность. Теперь Каспийское море занимает немного меньше пятисот тысяч квадратных метров, а когда-то оно было чуть не в три раза больше <...> Вся эта огромнейшая поверхность никогда не была покрыта лесами, нет у нее настоящей степной растительности, так как почва ее, солончак, еще сплошь пропитана морскими солями [Клягин, 1948, с. 14–15].

Рядом с Эльтоном, в низовьях Волги и располагаются обитаемые места, где сохранилась память древней истории:

– Почему вы называете сад Ханским? – спрашивает Зорин у ямщика, везущего его на Эльтон, – Хан его сажал что ли? Не знаете, кто и когда? <...>

– Кому ж больше? Понятно, хан. А какой – пес его знает. Не сам хан, понятно, а персюки и китаезы, – те по этим делам собаку съели... В голой степи, где деревьев и помину нет, – да, почитай, никогда и не было, – целый лес, сукины коты, развели! Торгун перегородили, видел, какую плотину устроили? – да так, что ни одна весенняя вода ее не одолела, – озеро верет в пять сделали. На его берегу развели сад для какой-то из ханских жен, которой, вынь да положь, сад потребовался! Там и дворец стоял летний, говорят, разборный. Был он из дерева в золоте да в зеркалах [Там же, с. 7–8].

Всё, что знает молодой инженер об истории этих мест из гимназического курса, сводится к представлениям о монголо-татарском нашествии как крайне неблагоприятном для России периоде разобщенности русских князей, а также о культурном отстранении охваченной монголо-татарским игом России от Европы, от Запада, а значит, и от развитой цивилизации. Но на Каспии по рассказам местных жителей герой знакомится с другими представлениями о монголо-татарском иге.

Очевидно, что историософский план повести «Клад Мамаю» определяется не юношескими воззрениями Клягина, а влиянием, оказанным на зрелого Клягина-эмигранта философией евразийства, и обе повести можно считать художественными иллюстрациями на эту тему. Не случайно в «Кладе Мамаю» пропущены годы учения, проведенные в Петербурге, становление героя начинается на окраинах России, в тот момент, когда он приступает к работе на строительстве железной дороги. И в «Стране возможностей...», и в «Кладе Мамаю» описываются окраинные степи, тайга, приморье, а к окраинам, к отдаленной от центра провинции были особенно внимательны евразийцы. «Окраинная», «степная» и приморская периферия отождествлялась ими с исконной Россией, обращенной к востоку и свободной от западных, учрежденных петровскими реформами, влияний. Созерцающая разрушительную революцией Россию, евразийцы искали причины наступившего упадка не в современности, а в исторических глубинах, полагая, что революция уничтожила лишь городское и столичное западничество, обнажив древнюю, сильную, народную Россию, не способную усваивать западный опыт, зато способную успешно адаптировать опыт восточный. За четверть века до появления повести Клягина евразийцы в своих манифестах настойчиво переформулировали привычные постулаты русской истории:

Примыкание русского интеллигентского сознания к западно-европейской культуре основывалось, между прочим, на созданном русскими подражательными усилиями тождестве или сходстве «быта» <...> Ныне «быт» рухнул; русские интеллигенты воистину поставлены вне быта; они ведут «загробное существование». Если в смысле экономическом России дореволюционную можно сопоставлять с «Европой», ныне она оказывается в иной исторической плоскости. <...> Но возможно также, что смена «поздних» экономических форм строем более «раннего» склада выступит в определенный момент потенцией положительной: можно думать, что смена эта – не только знак разрушения, но выявление дремавших энергий... [Савицкий, 1993а, с. 116–117].

Очень похожи на историософию Клягина, изложенную в «Кладе Мамаю», и евразийские размышления П. Н. Савицкого о том, что русская отсталость – не следствие татарского ига, она возникла прежде нашествия монголо-татар, а оно как раз позволило его преодолеть:

Прежде всего укажем на следующее: без «*татарщины*» не было бы России <...> Действием ли примера, привитием ли крови правящим, они дали России свойство организовываться военно, давать государственно-принудительный центр, достигать устойчивости, они дали ей качество становиться могущественной «ордой» <...> Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии; Россия – часть особого «окраинно-приморского» мира, носительница

углубленной культурной традиции. В ней сочетается одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия [Савицкий, 1993б, с. 124–125].

Теоретики евразийства критиковали большевиков, но, тем не менее, приблизились к компромиссу с ними, оценивая революцию как позитивный опыт, заодно евразийство создало романтический образ обновленной страны, обладающей огромным, ранее скрытым потенциалом, «возможностями», заложенными в глубокой древности и коренящимися на периферии. Даже заглавия обеих книг Клягина созвучны евразийству. Такой подход, конечно, не был близок Бунину, не склонному ни к компромиссам с большевиками, ни к апологетике «азиатчины» в русской общественной жизни. Вчитываясь в предисловие Бунина к «Стране возможностей...», А. В. Блюм отметил: «Сам Бунин, как видно из предисловия, обычно резко и непримиримо осуждавший большевизм, ни словом не обмолвился о нем... Книга посвящена предреволюционному времени: Александр Клягин, покинувший родину накануне революции, говорит о большевистской России вполне лояльно. Более того: немногие места, в которых говорится о современном ее состоянии, свидетельствуют, что автор, умный и проникательный инженер-предприниматель, скорее с сочувствием и одобрением относится к некоторым техническим и хозяйственным достижениям эпохи НЭПа и начала 30-х годов» [Блюм, 2010, с. 355]. Если представить себе предисловие Бунина ко второй повести Клягина, то оно тоже было бы полно умолчаний, «азиатчина» для Бунина связывалась не с возрождением России, а с ее революционным упадком.

Однако «Клад Мамаев» совсем не прямолинейная иллюстрация евразийских теорий, восточная, степная тема подается здесь в увлекательной авантюрной форме. Познакомившись на Эльтоне с несколькими кладоискателями, Зорин сначала узнаёт легенды сразу о множестве монгольских кладов, а потом в тексте постепенно развертывается евразийская историософия. Для повествования о прикаспийской степи Клягин выбирает чрезвычайно распространенный именно в волжском регионе мифогенный сюжет: легенды и сказания о кладах Золотой Орды – одни из самых древних в Заволжье. Золотые кони хана Батые, с которыми он якобы похоронен на холмах Актубы, но которых никто не может отыскать, Мамаев курган и множество преданий о небольших монголо-татарских кладах, которыми якобы усыпана степь, стали той канвой, по которой позже на Волге складывались легенды об упрятанных сокровищах Стеньки Разина, Емельяна Пугачева, о сказочном разбойнике Кудеяре. Предания о татарских кладах – это целый самостоятельный раздел русского фольклора: «...связывались клады с войнами, с вражескими нападениями, когда надо было спасать имущество, или теснимые враги бросали и прятали то, что забрали. Так, в южной полосе России сохранились воспоминания о татарском нашествии, когда говорили о спрятанных в это время богатствах» [Соколова, 1970, с. 197].

На Эльтоне Зорин тесно сходитя со старшим рабочим Хассимовым, давно живущим в пустыне и занимающимся разведкой подземных ключей. Кладоискательство и поиск подземных вод придают фигуре этого персонажа загадочные черты: стремление к тайным знаниям, сокрытие правды, хитрость и умение в одиночку идти к цели отличают его характер. Кладоискательскую мудрость Зорин получает из уст татарина Хассимова. «Откуда же могут появиться здесь клады? В этой степи-то, где ни кола, ни двора, ни собаки!» – недоумевает Зорин.

– Молоды вы, Василь Васильич, потому так и говорите – Хассимов покачал головой. <...> Степь-то, по-вашему, всегда такая была? А?... Нет, Ва-

силь Васильич, не такая! Здесь когда-то жизнь ключом била. Народу здесь перебивало – непочатый край. <...>

– Возможно, а клады-то откуда?

– Откуда? Ну, посудите сами... Живем мы с вами, как в прежние времена, как монголы жили, в юрте. А получи вы, скажем, откуда-нибудь золото да камни драгоценные, – куда бы вы их дели? <...> В землю, другого хранилища нет!

– Откуда у монголов было золото? Много ли его было в те времена-то? Ни Америки, ни африканских золотых копий тогда не знали.

– Другие народы работали. Золото спокон веков известно, во всех странах оно есть. Монголы, правда, его не добывали, но зато они обобрали тогда почти весь мир: Азию ограбили, Россию, Польшу, Венгрию, Кавказ, и уж и не знаю кого! Иконы брали, священные сосуды, драгоценности, все тащили, что было ценного, да выкупи за пленных, да ежегодная дань... Но и этого мало. Живого золота у них было сколь угодно. Какого? Невольников да невольниц, рабов <...> Невольники и невольницы нужны были для продажи. Для этой торговли и засели тогда в Крыму генуэзцы, а на Азовском море – венецианцы. Эти и устроили там конторы, построили города на концессиях, которые получили от монголов, – и все для того, чтобы скупать невольников и переправлять их в Византию, в Рим, в Африку, куда угодно. А обратно, чтобы корабли не плыли пустыми, они везли на юг России европейские товары – оружие, провиант, строительные материалы [Клягин, 1948, с. 30–32].

Хассимов последовательно излагает Зорину легенды Золотой Орды, как будто воспроизводя евразийские размышления о неотъемлемой татарской составляющей русского языка, о кочевничестве и оседлости, подробно расспрашивает у образованного Зорина о гониометрии, космографии, просит научить пользоваться нивелиром, – всё это необходимо, чтобы расшифровывать неведомо откуда добытые старинные карты с астрономическими ориентирами, в которых зашифровано монголами местоположение кладов.

Зорин не верит, что монгольские племена обладали астрономическими, географическими и геометрическими знаниями, но Хассимов неутомимо убеждает Зорина в высочайшей точности монгольских манускриптов, посмеиваясь над представлениями Зорина о диких, бесписьменных племенах татар. Он утверждает, что, не имея собственной письменности, татаро-монголы свободно меняли языки и алфавиты, легко переходя от одного языка к другому. Кочевники связывали Азию, простирающуюся до Индии и Китая, с Европой, с Римом и поэтому не только постигли законы обоих, восточного и западного, укладов, но и умели преобразовывать полученные знания из одних научных и культурных парадигм в другие.

Татарину Хассимову вторит и начальник Зорина, инженер Кузьмич, пожилой строитель-железнодорожник, женатый на обрусевшей «монголке» Степановне, знаток Прикаспийской степи, любитель истории и археологии. Он рассказывает Зорину о Чингисхане и его потомках:

О Чингис-Хане говорить не буду, это слишком долго. Скажу только, что это был необычайный полководец и замечательный политик. Правда, временами он был безжалостен, кровожаден, но уж такое было время. Впрочем, люди с тех пор изменились мало, придумали только другие лозунги,

формы... Размеры созданной Чингис-Ханом империи – колоссальны, последствия ее для истории народов исключительны. Сам он, хоть и неграмотный, а понял значение прогресса, применил на благо подданных все лучшее, что было известно в те времена и чем другие страны воспользовались лишь много столетий позже. Добавьте к этому веротерпимость, справедливость, простоту и личное мужество <...> Русские князья подчинялись власти ханов, платили им дань, поставляли невольников, доносили, подкапывались друг под друга. Даже Александр Невский целовал стремя хана, испрашивал его позволения на войну со шведами <...>

Расцветом Золотой Орды надо считать ханство Узбека, отца Джаныбека, – 1312–1340 г. Этот хан почти не воевал, не думая о расширении владений. Он приглашал к себе ученых Китая и Запада, докторов теологии, позволил всем проповедовать беспрепятственно свои вероучения, вербовать приверженцев. Не вмешивался он и в запутанное положение Европы, особенно в ее увлечение крестовыми походами, кончившимися полным крахом. Не раз папские послы (например, легат де-Мариньола) пытались вовлечь его, совместно с католиками, в борьбу с магометанами, но это им не удавалось <...>

Сын Узбека Джаныбек продолжал политику отца, но под влиянием своей жены, гречанки, ее греческого окружения, поссорился с генуэзцами, поселившимися в Крыму, где они богатели. Он разбил итальянцев и изменил условия их концессий, но позволил им продолжать торговлю. Он-то, этот хан Джаныбек, и погребен в том месите, где будет теперь стоять станция астраханской дороги <...>

Европа тогда и понятия не имела о порядке, который Чингис-Хан установил в Азии. Кстати, дорогой мой, знаете ли вы, что монголы ввели тогда же ассигнации, позаимствовав эту идею от китайцев на много столетий раньше Джона Лоу? <...> Почта, передвижение на подставных лошадях, выборное местное управление и многое другое, все это введено было ими <...> Что же до письменного языка, то у кого в те времена он был? Монголы обходились замечательным письменным языком китайцев, языком трудным, разработанным до высокой точности, дипломатическим. Пользовались монголы и арабской письменностью, – она стояла тогда на очень высоком уровне [Клягин, 1948, с. 116–119].

Все эти рассуждения написаны как будто по канве брошюры «Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», изданную Н. С. Трубецким в 1925 г. в Берлине под псевдонимом «И. Р.»⁴. В пространных монологах Хассимова и инженера Кузьмича А. Клягин как будто бы излагает тезисы Н. С. Трубецкого в художественной обработке. Приведем здесь для сравнения лишь несколько тезисов из этой брошюры:

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость [Трубецкой, 2023, с. 8];

---

⁴ О расшифровке псевдонима, которым подписана эта брошюра, см.: [Глебов, 2010, с. 290].

Один факт объединения в едином государстве колоссальной территории Европы и Азии, обеспечение безопасности евразийских и азиатских караванных путей и упорядочения финансов создавало для жителей монархии Чингисхана... благоприятные условия... [Трубецкой, 2023, с. 11];

В широкой веротерпимости известную историческую роль сыграло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т. е. религию довольно примитивную, догматически совершенно неформленную и не стремящуюся к прозелитизму [Там же, с. 14];

Домонгольская удельно-вечевая Русь находилась на самой низкой ступени развития. Но татары ввели Россию в общегосударственную сеть почтовых путей, и монгольская система организации почтовых сношений и путей сообщения, основанная на общегосударственной ямской повинности, сохранялась на Руси еще долго после татарского ига [Там же, с. 18];

Наследие Чингисхана неотделимо от России. Хочет Россия или не хочет, она остается всегда хранительницей этого наследия, и вся ее историческая судьба этим определяется. Даже в период антинациональной монархии, когда и правительство, и общество стремилось к тому, чтобы Россия была европейской державой, и всячески стыдилась признать естественную связь с Азией, даже тогда Россия силою вещей принуждена была продолжать историческое дело государственного объединения Евразии, – дело Чингисхана: присоединение Крыма, Кавказа, Закаспийского края, Туркестана, закрепление за Россией Восточной Сибири – все это были этапы на том же пути собирания разрознившихся частей Евразийского улуса Чингисхановой империи [Там же, с. 57].

Думается, что пространные теоретические монологи героев на евразийские темы внутри художественной повести Клягина требовали какого-то сюжетного дополнения, иначе повесть переросла бы в теоретический трактат, а герои потеряли бы привлекательность, став проводниками евразийских идей. Но в тексте есть эпизоды, дополняющие теоретическую историософию Хассимова и Кузьмича любопытным вымышленным историческим сюжетом. Однажды Кузьмич приглашает Зорина съездить в гости к хану, который в повести назван «хан Букеев», повелитель остатков Золотой Орды Каспийской степи. «Хан Букеев» означает хан «Бекей Ордасы», Букеевской Орды – полуавтономного государственного образования в составе Российской империи, которое существовало до 1845 г. и входило в Астраханскую губернию. Последний хан Букеевской орды, прямой потомок Чингисхана, хан Джангир умер в 1845 г., с его смертью перестало существовать и ханство. И Клягин, специально не называя имени хана, описывает как быль историю более чем полувековой давности, углубляясь в те времена, когда Букеевская Орда еще существовала и управлялась ханом, хотя к 1905 г. (а именно к этому времени – 1905–1906 гг. – относятся события повести) все документы и свидетельства о существовании ханства стали уже предметом истории. Чисто художественный, собирательный образ Хана Букеева – это живописный анахронизм:

Хан Букеев, прямой потомок и наследник Чингис-Хана, пожилой толстый киргиз, в шести или семи ватных халатах (чем жарче, тем киргизы теплее одеваются), встретил приглашенных радушно, широко. В железнодо-

рожных чинах он не разбирался: ожидал, видимо, большого, важного начальника. Приготовления к приему были богатые: зажарили нескольких баранов, целого быка, кумыс подавали в больших чанах, разной крепости, на разные вкусы.

По-русски хан говорил, но плоховато; по образованию, по развитию остался монголом на уровне тринадцатого века, времен Батгя, и от культурной жизни сторонился. Теоретически ему подчинялась вся Золотая Орда, он был в чине русского генерала и серьезно верил, что русский император – ниже его, он-то еще полковник!

На самом деле хан Букеев, по имени которого называлась орда каспийской степи, не смел вмешиваться в управление своими поданными: киргизы выполняли требования Петербурга, которые, в сущности, были направлены к стеснению вольностей кочевой жизни и к уничтожению монголов, как особенного народа. Букеев сохранил, однако, в глазах киргизов, моральный вес: разбирал по обычаям предков тяжбы своих поданных между собой, как наследник великого Чингис-Хана.

<...>

Несколько дней спустя, разговорившись с Хассимовым, Зорин упомянул о наследнике Мамай, Хане Букееве.

– Каждое лето тут кочует, – подтвердил татарин. – Ищет, говорят киргизы... Да ему не найти!

– Он имеет право, его же наследство.

– Верно. Да давность вышла. А теперь – все права правительству или тому, который словчится... [Клягин, 1948, с. 63, 66].

Слова Хассимова подводят печальный итог жизни вымышленного «хана Букеева», но одновременно напоминают о реальной трагической судьбе кочевых народов и их вождей, к примеру, о судьбе современника Александра Клягина Алихана Букейханова, прямого потомка хана Букея, главу не осуществившей своего предназначения партии «Алаш» и первого казахского правительства, ученого-энциклопедиста, борца с русской колонизацией казахской степи, репрессированного в 1937 г.

Современная и новаторская евразийская историософия у Клягина не только украшена фигурами вымышленных исторических персонажей, но и обрамлена фольклорными мотивами, что придает ей убедительную тональность. Все рассуждения о монголо-татарском субстрате «Русского царства», перемежаясь с русскими историческими преданиями, перестают ощущаться как новация евразийцев и начинают казаться закономерными, традиционными. Идею ввести в повесть насыщенный фольклорный подтекст Клягин тоже мог получить от Бунина, в рассказах и романах которого, даже если речь идет о современности, растворено множество легенд, преданий, стилизована народная молва. Но если Бунин как бы невзначай, едва заметно «подкрашивает» фольклором повествование о современности, то в повести Клягина собрана целая коллекция исторических преданий, среди которых особо выделяются фольклорные истории о «злых» кладах. По-видимому, Клягин хорошо изучил эту, актуальную для своего поколения, на долю которого выпала революция и эмиграция, тему. В то время, когда в эмигрантском кругу складываются предания о «золоте Колчака», Клягин пишет о кладах более древних, вокруг которых уже давно сложились свои предания и легенды. Но независимо от эпохи клады, которые прятались в смутные времена, когда нужно было

сохранить от врагов свое или унести награбленное, считались чаще всего «злыми». По народным преданиям, «такими кладами овладевал черт и приставлял к ним своих хранителей, поэтому взять их очень трудно» [Соколова, 1970, с. 189]. Клады нередко являлись даром покойных, даже заложных покойников, поэтому в фольклоре, и не только в русском, кладоискательство было сопряжено с темными, дьявольскими силами и множеством опасностей: кладоискатель должен отвоевать сокровище у «того света», «нечистой силы», «все клады оказывались заклятыми и взять их не удавалось, а если кто-то и брал их, то впрок они, как правило, не шли – человек заболел или умер, умерла жена и т. п., или же взятые деньги оказывались черепком, мусором» [Там же, с. 191]. Будучи надежно защищенными потусторонними силами, клады, тем не менее, манят искателей; любой, даже самый хитрый тайник, рано или поздно, будет открыт, распознан, «было и поверье, что клады, как только бог даст, выйдут сами наружу» [Там же]. В сказаниях клады одушевлялись, сами указывали дорогу к себе, например светились во тьме огнями, разными способами приводили к тайникам⁵. Извлечение кладов из тайников предполагало сложные, часто многофазовые фантастические повороты: что-то всегда мешало извлечь уже обнаруженные богатства. В преданиях нередко повторяется одна и та же ситуация, когда «что-то звенело, показывался сундук, горшок и т. п., но появлялись всевозможные страсти, и кладоискатели в страхе и даже беспамьтстве разбежались, а клад после этого уже нельзя было найти» [Там же, с. 193].

Все перечисленные черты фольклорных преданий о злых кладах можно обнаружить и в повести Клягина. Даже неискушенный Зорин, разрабатывая каменный карьер, становится свидетелем знаменательного случая:

Штабеля готового для отправки камня были переполнены... змеями! Гады эти заполнили рано утром ямы, расщелины, трещины в карьере – подойти нельзя! Отовсюду – змеиные головы, пасти раскрыты, раздвоенные языки, змеи извиваются, шипят... Били их палками, ломами, кирками. Истребляли гадов целый день, забыв о работе, истребили тысячи, завалили целую яму трупами змей всяких окрасов и размеров...

На следующий день оставшиеся змеи, – количество их было невероятное, не уничтожили и половины, – покинули карьер и больше не возвращались. Зорин думал, что змеи искали тепла на камнях, пригретых осенним солнцем. Рабочие из русских сомнительно покачивали головами <...> Степняки же верили скорее киргизам: змеи-де стерегли клад и хотели припугнуть людей, как те же злые духи Танги напугали когда-то казаков обвалом камня. Поэтому киргизы советовали позвать шамана, снять заговор [Клягин, 1948, с. 236–237].

В соответствии с фольклорными законами каждый из героев-кладоискателей Клягина, независимо от того, чем закончились его поиски, оказывается наказан за свою причастность к кладоискательству. Никому не удается избежать расплаты за овладение сокровищами Мамаю, и варианты расплаты разнообразны. Сначала читателя знакомят с историей «вшивого деда» Суслика, старого приживальщика в доме молоканина Ржаного. В степи рассказывают, что полвека назад Суслик

---

⁵ См., например, сюжеты о кладах в книге «Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири», где клады олицетворяются, указывают сами на себя, мстят тем, кто их открывает [Мифологические рассказы..., 1987, с. 287–290].

нашел кубышку, но, не тронув богатств, вновь схоронил ее в степи. Ржаной прирел старика в надежде выведать тайну клада, но дед не спешил делиться этой тайной, предпочитая рассказывать о проклятиях, наложенных на тайники:

– Клады, клады, что в них? что хорошего-то? В чужом добру? Золото, говоришь? На что оно? что даст-то? Молодости прибавит, здоровья? счастья? Зависть даст только, да злобу людскую. Люди, вишь ты, – как волки лютые. Один у другого изо рта вырывает. Набросятся – клоками шерсть полетит. Вот оно, золото-то, да клады [Клягин, 1948, с. 160].

Судьба старика подтверждает его же слова: работники Ржаного, шутя, сталкивают деда в яму с никотином, где собираются купать овец, дед умирает страшной смертью, так никому и не поведав тайну спрятанной им кубышки. Зато кубышку деда, вместо великого клада Мамаю, находит Хассимов и, ничего никому не сказав, покидает Эльтонскую пустыню. Продолжение истории о кладах Зорин узнает по прошествии многих лет, уже в эмиграции, где случайно знакомится с сыном Хассимова, который и рассказывает Зорину, как сложилась судьба его отца. Интрига повествования состоит в том, что сын Хассимова ничего не знает ни об Эльтоне, ни о найденном отцом клада, а сообщает Зорину, что отца убил без всяких на то причин какой-то сумасшедший русский, с коим тут же, на месте преступления сразу же расправились люди, прибежавшие спасать Хассимова, и лишь один только Зорин, слушающий этот рассказ, понимает, что таинственный убийца татарина – это молочанин Ржаной, догадавшийся по оброненным в степи вещам из тайника, что Хассимов нашел кубышку. Ржаной настигает удачливого татарина за границей, в Персии, поскольку считает, что по справедливости клад должен был достаться тому, кто дал кров вшивому деду. Судьба Хассимова, конечно, символична: страсть к прошлому помогла ему найти клад в степи, но одновременно привела к гибели, она же, эта страсть, но в другой форме перешла к его сыну: Хассимов-младший служит адъютантом персидского принца, а свободное время посвящает изучению археологических трудов. Рассказом Хассимова-младшего о смерти отца и завершается приключенческая линия повести, в которой довольно искусно переплетены между собой историософия, археология и историческая фантастика, пропитанная фольклором.

Небольшая по объему повесть Клягина оказывается довольно насыщенным сюжетно многофигурным повествованием, в которое вмещена евразийская историософия. Повесть испытала очевидное влияние Бунина, но ее тема продиктована не литературой воспоминаний. Она озаглавлена «Клад Мамаю», и смысл этого заглавия шире, чем прямое, конкретное значение слова «клад», в метафорическом смысле, если следовать философии повести, кладом можно назвать всё наследие Востока в русской и европейской жизни. Повесть держит читателя в напряжении, чему способствует не только приключенческий сюжет, но и композиция. Текст построен как воспоминание, в чем Клягин очевидно подражает «Жизни Арсеньева» и другим эмигрантским романам, где герой-эмигрант вспоминает свою юность в России. Такой тип повествования позволяет держать двойной фокус: пережитое в юности видится зрелому герою иначе, нежели в далеком прошлом в России, но острота юношеских переживаний не нивелируется, они вызывают особую ностальгию, особый интерес в силу неповторимости того давнего опыта, который, может, даже будучи былью, в эмиграции постепенно рассеивается, превращается в легенду, в сказку о необычайной, далекой, полуфантастической стране, в грезу об Азии потерявших родину и поселившихся в Европе эмигрантов.

Список литературы

- Берберова Н.* Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. 736 с.
- Блюм А. В.* Литературный крестник И. А. Бунина (вместо послесловия) // Клягин А. П. Страна возможностей необычайных. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2010. С. 347–361.
- Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010. 632 с.
- Клягин А.* Страна возможностей необычайных. Париж, 1947.
- Клягин А.* Клад Мамаю. Paris: Editions du scribe, 1948. 278 с.
- Клягин А. П.* Страна возможностей необычайных. Новосибирск: Свинья и сыновья, 2010. 376 с.
- Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 402 с.
- Савицкий П. Н.* Два мира // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993а. С. 114–122.
- Савицкий П. Н.* Степь и оседлость // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М.: Наука, 1993б. С. 123–130.
- Соколова В. К.* Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
- Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана. М.: Инфра, 2023. 276 с.

References

- Berberova N. *Kursiv moy. Avtobiografiya* [The italics are mine. The autobiography]. Moscow, Soglasie, 1996, 736 p.
- Blyum A. V. Literaturnyy krestnik I.A. Bunina (vmesto poslesloviya) [Literary godson of I.A. Bunin (instead of an afterword)]. In: Klyagin A. P. *Strana vozmozhnostey neobychnykh* [The land of extraordinary opportunities]. Novosibirsk, Svin' in i synov' ya, 2010, pp. 347–361.
- Glebov S. *Evraziystvo mezhdu imperiey i modernom: Istoriya v dokumentakh* [Russian eurasianism between empire and modernity: The history in documents]. Moscow, Novoe izdatel' stvo, 2010, 632 p.
- Klyagin A. *Klad Mamaya* [Mamaia's treasure]. Paris, Editions du scribe, 1948, 278 p.
- Klyagin A. *Strana vozmozhnostey neobychnykh* [The land of extraordinary opportunities]. Paris, 1947.
- Klyagin A. P. *Strana vozmozhnostey neobychnykh* [The land of extraordinary opportunities]. Novosibirsk, Svin' in i synov' ya, 2010, 376 p.
- Mifologicheskie rasskazy russkogo naseleniya Vostochnoy Sibiri* [The mythological stories of the Russian population of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 402 p.
- Savitskiy P. N. Dva mira [Two worlds]. In: *Rossiya mezhdu Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 114–122.
- Savitskiy P. N. Step' i osedlost' [Steppe and settled life]. In: *Rossiya mezhdu Evropoy i Aziey: Evraziyskiy soblazn* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation]. Moscow, Nauka, 1993, pp. 123–130.
- Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie predaniya* [The Russian historical legends]. Moscow, Nauka, 1970, 288 p.

Trubetskoy N. S. *Nasledie Chingiskhana* [The legacy of Genghis Khan]. Moscow, Infra, 2023, 276 p.

Информация об авторе

Елена Владимировна Капинос, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)
WoS Researcher ID K-6534-2017

Information about author

Elena V. Kapinos, Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
WoS Researcher ID K-6534-2017

*Статья поступила в редакцию 08.09.2023;
одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 15.09.2023
The article was submitted on 08.09.2023;
approved after reviewing on 15.09.2023; accepted for publication on 15.09.2023*